

УДК 101

Л.В. Жаров

доктор философских наук, профессор

Ростовский государственный медицинский университет

г. Ростов-на-Дону, Россия

А.А. Ибрагимова

студентка IV курса лечебно-профилактического факультета

Ростовский государственный медицинский университет

г. Ростов-на-Дону, Россия

redaction-el@mail.ru

**ДИАЛЕКТИКА ПОНИМАНИЯ
СЕКСУАЛЬНОЙ НОРМЫ ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

[Zharov L.V., Ibragimova A.A.]

Dialectics of man's behavior sexual norms comprehension in modern Russia]

It is considered sexual norms, who is sane and who is deviant in one of the most intimate spheres of human life - eternal, and in a certain sense, the "cursed" questions of national culture and history. Discussions on this issue began in the XIX century - first in the medical profession, and then reflected in the debate Slavophiles and Westernizers, came to the surface of public life in the Silver Age, especially in Berdyaev, and 100 years later re-excite minds. Of course, this is connected with the recent landmark changes in understanding the nature of man, his mission in the world, goals and motives, as well as radical change of social and political life of the country.

Key words: norm, people, deviance, nature, sexuality.

Вряд ли найдется еще более острая и неоднозначная постановка вопроса о сексуальном поведении человека применительно к реалиям современного российского общества. Что есть сексуальная норма, кто же нормален, а кто девиантен в одной из самых интимных сфер жизни человека – вечные, и в определенном смысле «проклятые» вопросы отечественной культуры и истории. Дискуссии по этой проблеме начались еще в XIX веке – сначала в среде медиков, затем отразились в спорах славянофилов и западников, вышли на поверхность общественной жизни в Серебряном веке, особенно у Н. Бердяева, и спустя 100 лет вновь волнуют умы. Разумеется, это связано с произо-

шедшими эпохальными изменениями понимания природы человека, его предназначения в мире, целей и мотивов поведения, а также коренного перелома общественной и политической жизни страны.

В этой связи резонно обратиться к анализу диалектики понимания нормы в сексуальном поведении наших современников, опираясь на известные методологические подходы, представленные в ряде публикаций [1; 2]. Широко распространено понимание нормы в медицинских и сексологических ракурсах, по крайней мере, в трех аспектах: как среднестатистической величины в данной выборке с акцентом на конституциональных и возрастных особенностях; как общезначимого морального постулата (образца, стандарта), опирающегося, как правило, на понятие Абсолюта в религиозном или светском смысле; как функционального оптимума, имеющего определенный медико-гигиенический смысл (З. Шнабль, К. Имелинский, И. Кон и другие) Норма ранжируется по степени допустимости и терпимости в данном обществе, а также по количеству индивидов, вовлеченных в данное сексуальное действие, с учетом критериев «гуманистического секса» по Э. Берну.

Общепризнано, что среднестатистический подход не учитывает индивидуальные особенности человека и напоминает пресловутую «среднюю температуру по госпиталю», медико-функциональный подход «в чистом виде» чреват биологизацией человека, а ориентация на моральный и религиозный Абсолют плохо применима к реальной сексуальной жизни миллионов людей. Кроме того, эти критерии с трудом укладываются в теоретическую систему, анализ которой может дать какие-либо серьезные рекомендации для практики. Показательно, что в работе Арнольда Дэвидсона, посвященной исторической эпистемологии концептов сексуальности, говорится, что «наш опыт нормы, сконструированный одновременно и научными понятиями, и моральными нормами, должен иметь более чем одно измерение» [5]. В этом, собственно, и проявляется многолетний спор эссенциализма как поиска неких неизменных «сущностей» как основы для любого нормирования и социального конструктивизма, устраивающего дискурсивность и реляционность любой нормой в проявлениях сексуальности. В этом смысле сексуальная норма в принципе «неодносущностна» и не равна сама себе, а, как и все в мире, развивается, противоречит самой себе и для ее понимания необходим известный диалектический метод восхождения от абстрактного к конкретному. Хоро-

шим примером в этом отношении может служить случившийся за XX век перелом в осознании целей полового общения супругов или партнеров. Если ранее это жестко связывалось с репродукцией и «нормальным» считалось лишь то, что потенциально ведет к зачатию (с оговоркой, что христианский брак должен еще способствовать укреплению союза и борьбе с искушениями), то либеральная мораль делает акцент на гедонизме, считая это неотъемлемым правом человека – делиться сексуальным удовлетворением с партнером без насилия и принуждения, что позволило Т. Адорно иронически заметить: «Главное и единственное правило сексуальной морали – обвинитель всегда неправ». В этом можно усмотреть и реализацию упомянутого диалектического подхода, когда абстракция, исходящая от Абсолюта, преодолевается богатым и неоднозначным котфетным содержанием. Последнее в определенном смысле богаче Абсолюта, ибо в реальной действительности абсолютная норма существует как многообразие конкретных норм.

Обратимся к характеристике понимания сексуальной нормы в современном российском обществе, опираясь на данные, приведенные в материалах I Федерального конгресса по сексуальному здоровью мужчин (Ростов-н/Д., 2013г.), а также на данные социологических исследований и сетевых дискуссий на профильных сайтах. Наиболее распространенный диагноз нынешнего состояния сексуальной жизни россиян – деградация, глубокий кризис, сочетание асексуальности и сексоголизма, проблемы с ориентацией и идентичностью. Это и порождает определенную парадоксальность ситуации, когда сексологические проблемы приобретают социально-политическую остроту, побуждают интенсивную законодательную деятельность, касаются глубинных основ нашей цивилизации, ее настоящего и будущего.

Отечественный традиционализм понимает под нормой сексуального поведения строгое и неукоснительное следование евангельским заповедям, которые, поощряя чадородие христианского брака, объявляя брачное ложе непорочным и советуя мужьям обращаться с женами как «с немощнейшим сосудом, оказывая им честь» (1-е Пт; 3,7), в то же время упоминают и о «жале в плоти», «похоти плоти», «противоестественном употреблении», «законе греха» и т.п. Нормально в христианском (православном) понимании жить жизнью «будущего века» и необходимые попечения о плоти не превращать в похоти, не становиться их рабом, что прежде всего относится к половой стра-

сти. Она самая упорная в человеке, возникшая благодаря грехопадению (в христианской концепции) или изначально ему присущая (в испанской традиции), подлежащая жесткому регулированию. Норма в этом смысле идентична понятию правильного выбора, не в смысле абстрактной свободы предпочтения добра или зла, а избрание именно пути к Богу, обожения уже в земной жизни. Это и будет гарантией воскресения в будущей вечной жизни с обретением нового тела, у которого при сохранении узнаваемого мужского или женского облика уже не будет сексуальности как таковой, тления и смерти, ибо все будут ангелы во плоти. Собственно, ради этого будущего преобразования тела и нужны добровольно, но заведомо правильно избираемые нормы поведения человека в жизни этого века. Вступай девственником (-цей) в освященный брак, принимай таинство венчания, создавай домашнюю Церковь, где муж – ее глава, рожай детей, сколько Бог посылает, сохраняй верность и преданность супругу, носи его тяготы как свои, будь целомудрен в брачном общении и исполняй все остальные заповеди любви и благодати.

Эта норма должного и правильного поведения человека является идеалом, который редко достигается даже святыми, причем святость в православном понимании неразрывно связана со смирением и осознанием всей глубины своей греховности, даже если она не видна людям. Такую норму можно понимать как антропологический аспект идеала «Святой Руси», как призвание нашего соотечественника быть действительно «рабом Божиим», а не рабом своих похотей и грехов. Дьявол, как известно, кроется в примечаниях и поэтому Церковь предпочитает в настоящее время не детализировать на исповеди отдельные моменты интимного общения супругов, полагая это тайной двоих, ведомой только Богу. Важно не что и как делают мужчины и женщины, а во имя чего это делается, способствует ли это спасению души, принимая во внимание, что истинные мотивы поведения могут быть скрыты от самого человека. В этом смысле традиционно-религиозная норма абсолютна и тем трудна для исполнения, ибо опирается на абсолютную волю Творца, которая в силу испорченности нашей природы не сразу и не во всем очевидна его творениям, живущим в мире соблазнов и дурных сообществ, которые, по апостолу Павлу, развращают даже добрые нравы.

Быть нормальным по православному – значит уяснить и прочувствовать всю глубину своего падения, невозможность его преодолеть без Спасителя,

каяться в грехах и пороках, верить и любить Бога и ближнего, творить добрые дела, молиться о ниспослании благодати и спасении души, принимать таинства Церкви. Путь мирского брака чреват «скорбями по плоти» («а мне вас жаль», – добавляет апостол Павел), а путь монашеского пострига доступен немногим, но и тот и другой – благородны. Отклонение от нормы в этом смысле означает впадение в грех, нарушение тех священных заповедей, которые определяют основные моменты сексуальной жизни человека. При этом недопустимо впадение «в прелесть», в самообман, в самовосхваление по поводу мнимой праведности, и хотя избежать этого полностью невозможно, но молитва и покаяние, смирение и послушание могут помочь «невидимой брани» по этому поводу. Итак, эта норма трудна на первый взгляд, но в глазах верующего «иго» это легко и радостно, ибо гарантирует возможность долгой, здоровой и насыщенной земной жизни, а также спасения души и жизни «будущего века». Этот аспект религиозной нормы, связанный с укреплением телесного бытия человека, его брачной и семейной жизни, возможностей производства и воспитания поколений является весьма привлекательным даже для неверующего человека. Соблюдение заповедей, конечно, не избавляет от тления и болезней, от скорбей и недоразумений, но гарантирует, что при слиянии мужа и жены в «плоть едину» ничто и никто не сможет нарушить гармонии их тела и духа.

Возникает вопрос – может ли светский идеал играть роль Абсолюта, общепринятой нормы полового общения? Говоря более определенно, является ли концепция светского гуманизма в упомянутой интерпретации Э. Берна или в современном трансгуманистическом варианте адекватной нормативной базой для регуляции сексуального поведения миллионов людей?

Очевидно, что нормотворчество в этом случае имеет принципиально иной характер, ибо человек (или пара партнеров) начинает сам для себя играть роль Абсолюта, ориентируясь на систему общечеловеческих ценностей и, прежде всего, свободы, не посягающей на свободу другого (или других), уважения такого неотъемлемого права человека, как реализация своего потенциала в сексуальной сфере своего бытия, без принуждения и насилия. Эта абсолютизация рационализма имеет своей сильной стороной возможность апелляции к разуму любого человека независимо от пола и возраста, расы и нации, религии и культуры. Проблема в том, что сексуальность в принципе

не поддается рациональному объяснению и управлению, она в сущности трансгрессивна и иррациональна. Поэтому, такой подход ведет к абсолютной индивидуализации нормы (в том числе и в виде партнерской нормы), а в случае БДСМ-практик может представлять реальную угрозу здоровью и даже жизни человека. Так называемая «функциональная норма», где пределы устанавливаются исходя из положений функционального оптимизма при данном виде сексуальной активности опирается, по сути, на сугубо научный критерий выбора наиболее эффективной формы поведения, дающей желаемый результат. К этой же категории можно отнести и учет статистических закономерностей распространенности той или иной формы сексуальной активности на основе возрастных детерминант и конституциональных особенностей. Трендом здесь является постепенное расширение возрастных рамок сексуальной активности, особенно у женщин постклимактерического этапа развития, а также утверждение в общественном сознании мысли о принципиальной равноценности как высокого, так и низкого уровней сексуальности, зависящей от конституции человека. Появление уже упомянутых асексуалов и сексоголиков в этом смысле вполне закономерно и отражает общую тенденцию отечественной цивилизации к поляризации с образованием «болота» между крайностями, что и создает ситуацию парадоксальности. Нормы в этом случае теряют свою определенность, становятся не особо востребованными, превращаются в предмет постмодернистских изысков, как своеобразного раздражения «пленной мысли». Одной из причин такого состояния является усиление чувства относительно безопасности, защищенности человека в условиях информационной цивилизации, успехов профилактической медицины, что, кстати, способствовало «сексуальной революции» середины прошлого века, снявшей многие страхи перед нежелательной беременностью, ЗППП и даже ВИЧ-инфекцией. Несомненно играет все возрастающую роль кризис современной семьи и патриархального уклада жизни, что порождает страхи, связанные с ювенальной юстицией, однополыми браками и союзами, в чем усматривается угроза цивилизационного характера.

Нельзя не считаться и с весьма распространенной трактовкой нормы в постмодернистском дискурсе. Начиная со ставших уже классическими работ Дж. Батлер начала 90-х годов, где пол и гендер трактуются как перформативные и иллюзорные конструкции, приводящие к «стилизации тела», где сама

нормативность в сущности элиминируется. Для характеристики этого процесса вводится понятие «принудительной гетеросексуальности», с точки зрения чего можно объяснить феномен «гендерной пародии» в случае трансвестизма. В «квир-теории» (Ив Кософски Седжвик, Дж. Батлер и др.), ненормативность вообще вынесена за рамки бинарного понимания, ибо концепция пансексуальности как прямое следствие квир-концепции в сущности не нуждается в обосновании нормы как некоего общеобязательного правила.

В этой связи нельзя не упомянуть и об активно разрабатываемой в настоящее время концепции фигуративной сексуальности, в рамках которой научная нормативность вообще является неадекватной, поскольку в реальности эта норма недостижима. Фигуративность определяется как возможность глубокого переживания своей сексуальности за границами привычных ожиданий при встрече с Другим, как процесс индивидуализации, как преодоление рутины и обычая. Она предполагает выход на трансцендентальный уровень, когда Другой – это не объект сексуального удовлетворения, а субъект изменяющийся и изменяемый во взаимодействии [6]. Это обозначает, что сама норма конструируется во взаимодействии субъектов без оглядки на «предписание» строгой науки, а тем более, общественный контроль или власть Абсолюта.

Таким образом, казалось бы частная и локальная проблема сексуальной нормы приобретает ныне глобальный характер, затрагивает основы мировой цивилизации, вызывая острейшие политические и общественные дискуссии, порождая очень неоднозначную законотворческую деятельность. Можно условно выделить 2 основных направления дискуссий – сторонников традиционализма в понимании сексуальной нормы как Абсолюта, которому надо неукоснительно следовать, не обсуждая особенно «почему» и «зачем», т.е. не мудрствуя лукаво и сторонников либерального подхода, которые, разделяя научный медицинский подход к дефиниции нормы настаивают на тезисе, что если секс чего-либо и стоит, то только за пределами общепризнанной нормы, полагая последнюю как предписание к исполнению пресловутого супружеского долга как производственного понятия от гражданского долга перед страной и обществом. «Холодные» головы традиционалистов и «горячие» головы «прогрессистов» (и тех и других в среднем по 10-15% популяции) не находят, как правило, понимания у «теплохладного» молчаливого большинства. Последние (а их примерно 70-80% населения) отчасти одобря-

ют традиционные нормы, полагая их самыми «полезными» для человека даже независимо от его веры в них, и, в то же время, не прочь поэкспериментировать со всевозможными девиациями, практикуя то, что обозначают как пластичную сексуальность, особенно в преодолении границ возраста, пола, социального статуса и т.п. В последнем случае речь, конечно, не идет о диапазоне понимания нормы в сообществах ЛБГТ граждан; это особая, отдельная тема, подлежащая специальному рассмотрению. Любопытно то, что судя по многочисленным высказываниям на специализированных сайтах, многих страшат не сами нестандартные действия в сексе, а их общественная стигматизация по принципу парадокса: «мы не геи, но хотим». Это говорит, прежде всего, о глубоком невежестве в элементарных сексуальных проблемах, о непонимании того, что ориентация и идентичность у человека, образно говоря, находится не «между ногами», а «между ушами». Увы, спустя 2500 лет приходится вспоминать сократовский тезис о невежестве как худшем виде зла и искать путей его преодоления.

Многие, к сожалению, полагают, что твердая вера делает излишним и даже вредным просвещение в такой деликатной сфере. Это, собственно, и приводит к ситуации, когда половое воспитание и просвещение практически отсутствуют ввиду опасности развращения молодежи, невинная эротика приравнивается к порнографии, нудизм и натурализм категорически осуждаются, а тело и его функции табуируются как только возможно.

Не удивительно, что в такой ситуации предполагается только один, единственно верный путь к осознанию сексуальной нормы – нормален тот, кто духовен, причем духовность понимается только как следование канонам традиционных для России религий. Все остальное понимается как отклонения от верного пути, грех, подлежащий искуплению в соответствии с евангельским тезисом о том, что надо ненавидеть грех и любить при этом самого грешника. Надо ли говорить, что именно последняя часть этого положения наиболее трудна как в теории, так и на практике.

Отстаивая тезис о многополярности современного мира, о невозможности диктата какой-либо одной модели цивилизационного развития, Россия ищет свое место в глобализованном мире, предлагает свои подходы к решению мировых проблем. Среди них все возрастающее место занимает и проблема норм и правил поведения человека в усложняющемся мире, его взаимодействия с дру-

гими нормативными системами, особенно в сфере, относящейся к понятию сексуальной нормы. Здесь вряд ли можно полагаться только на традиционализм, понимаемый как простое воспроизводство моделей жизни ушедших поколений, а скорее надо следовать формуле «преемство и движение», традиция в развитии. Тут место и сомнениям, и поискам в теории и на практике. Об этом еще 100 лет назад напряженно размышляли Н. Бердяев, В. Розанов и другие деятели Серебряного века, полагая, как писал Бердяев, что в половой жизни самое «нормальное» может оказаться развратнее «ненормального». Как мудро заметил С.С. Аверинцев: «Всякий настоящий русский, если он только не насилует собственной природы, смертельно боится перехватить свое – и правильно делает, потому что ему это не идет» [7]. На этой ноте можно и завершить краткое рассмотрение этой актуальной научной и общественной проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Жаров Л.В., Ибрагимова А.А.* К методологии познания научных основ сексуальности человека. Актуальные проблемы истории и философии наука. Ростов/н/Д, 2013.
2. *Zharov L.V.* Specificity of sexuality expression in morden Russia (preliminary diagnosis and forecast attempt) // Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 6. http://hses-online.ru/2013_06.html
3. *Жаров Л.В.* [Сексуальность человека за пределами науки: чудо, тайна и авторитет](#) // [Гуманитарные и социальные науки](#). 2010. № 6. <http://hses-online.ru>
4. *Жаров Л.В.* [Сексуальность человека в пределах науки – что это такое?](#) // [Гуманитарные и социальные науки](#). 2009. Т. 5. <http://hses-online.ru>
5. *Davidson A.* The emergence of Sexuality. Historical Epistemology and the Formation of Concepts. Harvard University Press, 2001.
6. *Пырьянова О.А.* Фигуративная сексуальность. Конституирование антропологической реальности. Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. Общественные науки. 2012 № 28.
7. *Аверинцев С.С.* Другой Рим: Избранные статьи. СПб., 2005.

REFERENCES

1. *Zharov L.V., Ibragimov A.A.* To the knowledge of the methodology of scientific bases of sexual-rights. Actual problems of the history and philosophy of science. Rostov-on-Don, 2013.
2. *Zharov L.V.* Specificity of sexuality expression in morden Russia (preliminary diagnosis and forecast attempt) // Humanities and social sciences. 2013. № 6. http://hses-online.ru/2013_06.html
3. *Zharov L.V.* Human sexuality outside of science: a miracle, mystery and authority // Humanities and social sciences. 2010. № 6. <http://hses-online.ru>
4. *Zharov L.V.* Human sexuality within science – what is it? // Humanity Tarn and social sciences. T. 2009. 5. <http://hses-online.ru>
5. *Davidson A.* The emergence of Sexuality. Historical Epistemology and the Formation of Concepts. Harvard University Press, 2001.
6. *Pyryanova O.A.* Figurative sexuality. Constitution of the anthropological-tion of reality. News of Penza State Pedagogical university them. V.G. Belinsky. Social sciences. 2012 number 28.
7. *Averentsev S.S.* Another Rome: Selected articles. SPB., 2005.

16 февраля 2015 г.
